

УДК 811.124

LINGVA NEMINI ALIENA: ЛАТЫНЬ В ЕВРОПЕ XIX ВЕКА¹

Ю. Н. Варзонин

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

«Язык без страны, но никому не чужой», латынь в Европе XIX столетия – предмет данного исследования. В статье рассматривается набор специфических функций латинского языка, которые он выполнял в культурном пространстве Европы.

Ключевые слова: латинский язык, функции языка, европейское образование, язык и социум, Ф. Ваке.

В силу вполне объяснимых причин наличие элементов древней (античной) словесности как в художественных текстах, так и в устном общении вызывает обоснованную ассоциацию с учёностью. Во-первых, само знание таких элементов является плодом учения и в обычных ситуациях весьма надёжно такого рода учёность сигнализирует. А во-вторых, уже как составная часть авторского текста, который осваивается читателем, античные вставки сообщают о некоторой, пусть не сразу ясной, символической ценности, по крайней мере, для автора. Поскольку автор может оказаться из числа тех, кто в силу традиции заметно влияет на трансляцию культуры в том или ином обществе (этнотип), то подспудно он своим авторитетом способен, хотя бы отчасти, внушать и названную символическую ценность. Так или иначе, использование античных оригинальных элементов прежде всего отсылает к образованию – той сфере, где в европейском культурном пространстве безраздельно веками господствовали образцы древнегреческой и латинской словесности. Для Западной Европы удельный вес латыни был изначально выше, а после раскола Церкви в XI веке он лишь возрастал, так что вполне обычным становилось знакомство с греческими авторами через посредство латинского языка. Не станем, однако, забывать, что предметом изучения греческий язык оставался наряду с латинским, но на последний отводилось традиционно значительно больше учебного времени. Программы изучения латыни предполагали овладение чтением, письмом и способностью общаться, то есть латинский язык изучался в том объёме, в котором никакие виды коммуникативной деятельности не являлись исключёнными или затруднёнными. Древнегреческий язык, который, в свою очередь, требует заметно больших усилий обучаемых, чтобы овладеть им в объёме свободной коммуникации, реально не конкурировал с латинским, а усиливал его,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Древние языки в русской литературе XIX века», 12-04-00036.

создавая надёжную опору уже потому, что сам латинский язык в своё время испытал мощнейшее воздействие греческих диалектов. Типологическая близость структуры этих языков дидактически обращалась пользой для продвижения и в одном языке, и в другом, а обильно заимствованные из греческого в латинский лексемы неизбежно проясняли все те аспекты, которые принято связывать с этимологией – уже в самой античности внимание к этимологии было едва ли не главенствующим, если помнить, из каких практических потребностей возникла сама филология. В практическом отношении курс древнегреческого языка предполагал, как правило, знакомство с оригинальными текстами. Надо напомнить, что в течение многих веков никакого другого варианта приобщения к богатствам античной словесности не существовало, но уже в XIX в. ситуация решительно изменится: теперь всякий желающий прочитать Гомера и Вергилия уже не нуждается в том, чтобы потратить многие годы на трудоёмкое постижение греческого и латыни, поскольку тексты доступны ему на его родном языке. Перевод античной литературы на национальные языки объективно потребует коренного пересмотра системы образования, что и оформится окончательно уже в XX столетии: где-то раньше, где-то позже. *Статус латинского языка в европейском образовании* всё же следует ставить в качестве вершины того функционального разнообразия, которым отмечено функционирование языка, притом ни для кого уже не являющегося родным, в рассматриваемый период. Латынь здесь отчасти и источник самого образования, если иметь в виду адаптацию древнеримской образовательной модели, но она к тому же в очень значительной мере составляет и содержание образования вплоть до той поры, когда окрепнут национальные модели образования, в принципе не отличающиеся заметным разнообразием. Если взглянуть на историю латинского языка после заката Рима лингвистическим взглядом, то представится совершенно уникальная ситуация, когда на протяжении тысячелетий язык продолжает свою жизнь, легко захватывая новое коммуникативное пространство и приспосабливаясь к постоянно меняющимся внешним обстоятельствам. Понятно, что такая особая судьба языка объясняется факторами культуры, которые, разумеется, оказываются важнее самого языка и весьма тонко им «управляют».

Образование – важнейшая составляющая культуры. В той культурной ситуации Европы, которая сложилась исторически, близкое сходство образовательных моделей, общее содержание образования, ориентированное на общее европейское прошлое, выполняли роль крепкого и надёжного фундамента, на котором в наше время предпринимается попытка осознать Европу как *целое*, как *единый дом*. В этом фундаменте греко-латинский культурный компонент – каркас, удерживающий всю конструкцию. Ещё в 1885 году один брюссельский профессор, говоря об изучении классических языков, предупреждал: «Сомневаюсь, что когда-нибудь, даже в отдалённом будущем, будет найдена более здоровая и укрепляющая пища, и я с готовностью скажу, что если бы она не существовала, её надо было бы изобрести» [6, с. 248]. Перестройка содержания образования и устранение из него античного компонента в виде греко-латинской словесности место и значимость античности для Европы не изменяет, но всё же неизбежно

приведёт к ослаблению былого ощущения причастности к общей культуре, веками объединявшего европейцев. Впрочем, возможно, на фоне ослабления произойдёт замещение, и ту же роль станет играть некий иной фактор.

В современных условиях нет возможности и необходимости возвращать позиции классической древности в образовании. Всё, что до нас дошло от античности, переведено и доступно практически на любом языке (а что не переведено, вероятно, переведено будет); профессии, которые долгое время без латыни не мыслились (юристы, учёные, торговцы и др.), теперь в ней почти не нуждаются (или нуждаются не в ней). Однако история латыни и греческого тем самым не заканчивается, поскольку сами древние языки и связанная с ними книжность и впредь будут уделом профессионалов-филологов, для которых всё ещё существует несметный объём самых серьёзных занятий. Другое дело, что при количественном истощении профессионального цеха возникает множество проблем по поддержанию необходимого уровня научных кадров и их воспроизводству – велика угроза его развала и окончательной утраты, а поскольку культура не терпит пустоты, на освободившемся месте тут же явится какой-нибудь очередной флэш-моб. Вполне уместно говорить о том, что всё это должно оставаться предметом государственной заботы, но при безраздельном господстве прагматических и утилитарных требований к науке и образованию со стороны государства на подобную дальновидность рассчитывать вряд ли приходится. Тем более отрадны такие эпизоды в отечественном образовании, как открытие и успешное функционирование классической гимназии в Санкт-Петербурге, в которой классические дисциплины преподаются в прежнем (вспомним оплот российского образования – классическую гимназию) масштабе. Речь ведь не идёт о повсеместном копировании этого явления, но лишь о том, что для того чтобы совсем не оторваться от оправдавшей себя традиции, где-то и когда-то должно существовать что-то похожее на настоящую классическую гимназию: преемственность сильна только до тех пор, пока она не прерывается.

Сложение традиции в европейском образовании никак не предполагало связи между латынью и социальным статусом человека, но во многом эта связь обнаружилась. Прежде всего, некоторые виды деятельности без латыни являлись немислимыми: дипломатия, управление, правоведение, Церковь. Легко предположить, что все эти профессии и в прежние времена в социальном отношении занимали даже не средние ступени карьерной иерархии, а явно тяготели к верхним и очень высоким. Само гуманистическое образование фактически было элитарным, поскольку большая часть детей либо оставалась вне обучения, либо должна была ограничиться самой элементарной программой обучения – чтением да письмом. Дети ремесленников и крестьян должны были становиться ремесленниками и крестьянами, и чтобы продолжить дело дедов и отцов, им не слишком полезна была латынь, да и многих лет, которые на постижение классики тратили отпрыски состоятельных семей, они, конечно же, в своём распоряжении тоже не имели. Эту очевидность и в XX веке (60-е годы) обнаружили П. Бурдьё и Ж.-К. Пассерон во Франции: «Количество студентов, изучавших латынь в средней школе, колеблется от 41 процента для детей рабочих и крестьян до 83 процентов среди детей управленцев и представителей свободных профессий»

[7, с. 26–27]. Разумеется, знание латыни в определённом смысле превратилось в некий опознавательный сигнал или знак принадлежности к числу избранных или особых, неординарных членов общества. Отсюда и обильное высмеивание фиктивной, необоснованной избранности в литературе – не только у Мольера, когда «loquor latine *говорю по-латински*» имплицитно «я – джентельмен». Неправильное и неумелое использование античного материала грозило потерей статуса, потому появлялись специальные издания вроде «Flore latine des dames et des gens du monde» – сборник античных цитат с пояснениями, как их употреблять, для всех тех, кто не был «обучен языку Цицерона» (издание вышло в 1861 году и до 1914 года переиздавалось шесть раз [8, с. 29–30]). Надо заметить, что с точки зрения государственной политики в разных европейских странах такая специфическая черта классического образования (в которой сам предмет никак не повинен) постоянно вызывала не только тревогу, но и приводила к некоторым радикальным мерам дискриминационного характера. Испанский король Фердинанд VI резко сократил количество латинских школ, объявив их ответственными за упадок в стране: выпускники таких школ предпочитали церковную или административную карьеру, что невольно ослабляло ремесленничество и сельское хозяйство. В Пруссии без конца звучали призывы к организации образования по принципу *standesmaessig* – то есть в соответствии с тем местом, которое человеку (строго говоря – родителям) досталось в обществе, для сохранения преемственности и социального порядка. Архиепископ Бреславский заявлял, что «крестьяне, изучавшие латынь, во всех отношениях являются самыми неуправляемыми» [3, с. 189]. Ну и самый яркий пример – Франция, где сегрегация была узаконена ещё в 1810 году: все ученики, поступавшие в заведения, в которых преподавалась латынь, облагались специальным налогом. Когда испанские доминиканцы открыли учебное заведение в Мехико (1537 г.), в котором стали обучать и индейцев, надеясь на воспитание местной административной элиты, очень скоро обнаружили и проблемы: один из критиков, Херонимо Лопес, жаловался на то, что «индейцы обнаглели и не желают, чтобы с ними обращались как с рабами», объясняя всё это тем, что их научили латыни. Обстоятельно все эти исторические перипетии с отсылками к многочисленным документам изложены в работе [2, с. 218–223]. Ещё раз придётся напомнить, что лингвистических оснований для сегрегации внутри общества объективно не существует, и только реальная сегрегация может иметь следствием такую специфическую функцию языка, как его вынужденное ограничение определённым сегментом социальной структуры.

Несколько модифицированную ситуацию можно наблюдать в отношении доступности «престижного» языка для европейских женщин, или, если говорить современным языком, *в гендерном аспекте*. Ещё в начале XVIII века в Европе широко распространилась поговорка: «Женщина, которая говорит по-латыни, никогда не кончит добром». Основанием для отстранения женского пола от древних языков являлся тот факт, что античная литература содержала в себе такие непристойности, какие никто не решился бы произнести вслух на любом из живых языков, а потому незнание латыни якобы охраняло женскую невинность. Так или иначе, но классические языки

ученицам не преподавались, хотя вокруг этого вопроса всё время происходили споры. Конечно, латынь требовалась мужчинам в их профессиональной деятельности, чего нельзя сказать о женщинах, которым не предстояло обучать людей, управлять государством, воевать, отправлять правосудие или лечить больных; участь женщины – быть внутри дома. В течение XIX столетия латынь постепенно была введена в учебные программы для девочек и аргументом в пользу нововведения ближе к середине века стала мысль о пользе знакомства с латинским языком будущих матерей и домохозяек, которые тем самым будут иметь возможность наставлять своих сыновей хотя бы в азах предмета. В целом, исключение среди женского пола представляли собой монахини и благочестивые вдовы, молитвенная жизнь которых в глазах общества не просто вызывала одобрение, но и предполагала особую степень качества, для обычных людей мало возможную. Для них латынь это самое качество и должна была обеспечивать, дабы с Богом они говорили на понятном для них языке. Сама же благочестивость этих жён практически гарантировала тематические ограничения в выборе материала, так что всё то, что могло ранить их тонко чувствующие души, не должно было даже попадать в их руки. Если по известным соображениям постижение латыни женским полом рассматривалось как то ли бесполезное, то ли вредоносное, то по части пола противоположного это занятие наделялось, напротив, исключительно созидательным пафосом: латынь не только развивает мышление, но формирует характер, воспитывает вкус, приучает к умеренности и сдержанности.

Сказать, что латынь оставалась «мужским» языком, тоже неверно. Среди мужчин лишь ограниченная часть их была носителем такого «тайного» знания, и это обстоятельство порождало некое мистифицирующее свойство, приписываемое языку теми людьми, которые таким знанием не обладали. Латынь в этом случае выступает в качестве *особого культурного рычага* в руках людей, «управляющих миром»: это, прежде всего, язык аристократов, священнослужителей, учёных. Достаточно иллюстративна латынь врачей в литературных произведениях (снова вспомним и Мольера): врачующий выглядит куда убедительнее, если он о болезнях говорит непонятными для больного словами – латинскими и греческими, пусть на этом месте, как обычно бывает в литературе, стоит какая-нибудь абракадабра. По Европе и в прежние века ходили удивительные лекарства от всех болезней с названиями, перед которыми невозможно устоять: *Elixir magnum stomachum*, *Pilulae in omnes morbos*. *Pilulae radiis solis extractae* (экстракт солнечных лучей в пилюлях!), *Aqua coelestis* и прочее. К началу XIX века 80 процентов диагнозов в Англии выставлялось по-латыни, а ещё за 30 – 50 лет до этого семь из десяти диагнозов обозначались по-английски [5, с. 156–159]. Примерно то же характерно для правоприменения, где вся сфера, включая судопроизводство, была занята латынью, так что обычный человек, не посвящённый в «язык Цицерона», обречён был раскошелиться, чтобы пользоваться услугами знатоков латыни, а уж те прекрасно понимали, каким бесценным даром они обладают. Естественно возникшая в таких условиях связь владения латинским языком со способностью и возможностью манипулировать людьми – не лингвистический феномен, а социальный, но язык невольно становится

символом и инструментом власти и доминирования, включая даже семью, где мужу при желании возможно говорить жене по-латыни, оставляя её в неведении относительно содержания говоримого.

Не являлась исключением и высокая политика. Любопытный эпизод французской истории связан со строительством триумфальной арки у ворот св. Антония в 1670 году в увековечивание заслуг Луи XIV. Вопрос касался мемориальной надписи – быть ей на латинском или французском языке. Эта дискуссия продолжалась более десятилетия, и вовлечены в неё были не только члены Французской Академии и широкая интеллектуальная общественность, но и монарх. Сторонники латинской надписи уповали на вечность и универсальность латыни, видя в этом соразмерность великим свершениям короля. Противники настаивали на том, что родной язык способствует консолидации, единению народа, а сторонники латинского являются плохими французами. Сам король оказался во втором лагере, и в этой ситуации поддержка французского языка означала поддержку короля – сторонники короля взяли верх. Но это не было победой французского над латинским, поскольку строительство арки не было завершено, а возврат к традиции исполнять надписи по-латыни не заставил себя долго ждать. Подробное описание судьбы надписей во Франции можно найти в работе [2, с. 238–243]. С одной стороны, латынь не могла не ассоциироваться с такими мощными аргументами, как язык Римской Империи, католической Церкви, учёности – бесспорно, сильными рычагами управления. Но, с другой стороны, этот язык всё больше становился языком меньшинства, а действенность таких рычагов неуклонно снижалась. Во избежание фатального разрыва между правящими и управляемыми требовалось искать приемлемого баланса, и это уже являлось задачей государственной политики. В очередной раз нужно констатировать не имманентные качества языка, а приобретённое им символическое значение.

Вполне ожидаемо, что латынь выступает не только орудием подавления, управления и манипулирования, но и берёт на себя обратную функцию: она ограждает всех тех, кто не обладает соответствующей подготовкой, от нежелаемых воздействий, обеспечивая им своего рода *защиту* (протекцию, если воспользоваться латинским термином). Аспекты подобной защиты актуальны во все времена, а использование другого языка в названных целях в социально значимых или всеобъемлющих масштабах встречается не так часто. Вернёмся к врачебному делу, где непонятное слово (диагноз, например) способно несколько заретушировать, смягчить восприятие даже крайне негативных реальностей. Кстати, эта традиция продолжает существовать в медицине и фармации. В таких случаях речь идёт о том, чтобы оберегать других. Возможно и обратное: кардинал Ньюман вёл дневник по-латыни, чтобы слуги не могли читать записи. Однажды он поспорил с одним из слуг и сделал резкую запись на латыни, а по прошествии некоторого времени он продублировал её, по обыкновению, в другом дневнике по-английски, но уже значительно менее эмоционально и резко [4, с. 151]. Общим местом для данной функции латинского языка была сфера отношения между полами – «язык запретного», всего того, о чём не принято говорить и писать. Не только университетские лекции по анатомии, хирургии, да и медицине в целом, прочно удерживали позиции латинского языка по соображениям

приличия, но и обычное общение людей не допускало использование родного языка в столь деликатной теме, как сексуальность. Венский психиатр Рихард фон Крафт-Эбинг выпустил в 1886 году труд под названием «Сексуальная психопатия» – систематическое описание сексуальных перверзий. В главе «Противоположные сексуальные ощущения» он «по очевидным причинам» перешёл с немецкого языка на латинский. Этот пример – совершенно обычная практика прошлых веков. Так же обычны переключения с национального языка на латинский в католических богословских изданиях, когда содержание адресуется пастырям, дабы они им воспользовались надлежащим образом. Даже в XX веке (1953, 1976) в Германии издавались рассказы из «Тысячи и одной ночи» с фрагментами на латинском языке с объяснением, что следующие строки являются настолько непристойными, что передать их по-немецки не представляется возможным [1, с. 365]. В подобных ситуациях язык используется в особой функции – он призван *вуалировать* некоторые реалии, которые относятся к наиболее чувствительным аспектам в социальном измерении. Разумеется, все они могут быть именованы родным языком, более того, они безусловно доступны и в текстах на родном языке, но в таком случае они предназначаются для частного, то есть скрытого от других людей, употребления, в то время как публичная сфера их не допускает, то есть в определённом смысле табуирует. Если же потребности публичной коммуникации требуют их актуализации, на помощь приходит не родной, но никому не чужой, не всем доступный, но ни от кого не скрытый язык, умеющий *говорить о запретных вещах*.

Отслеживая историческую судьбу латыни, не следует упускать из вида и всё то, что происходит параллельно с этими процессами. Если к середине XXI века латынь и всё классическое образование сдадут свои позиции, то произойдёт это на подготовленной почве. А подготовка этой почвы происходит как раз на фоне картины, представленной выше. В то время как латынь выполняет свои специфические функции в культурном пространстве Европы, в частности в XIX столетии национальные языки всё интенсивнее и смелее осваивают те же функции, а по мере того, как вновь освоенные функции перестают шокировать публику, другой язык становится излишним. По инерции, свойственной культурным процессам, ещё некоторое время он способен удерживать позиции, по крайней мере в образовании, неуклонно их ослабляя. Однако для культуры период ослабления и замирания языка не является простозначным. Культура естественным ходом фиксирует происходящее изменение уже в силу имманентной ей актуальности. В то же время культура выступает и транслятором накопленного опыта, а поскольку опыт ближайших предшествующих столетий не утрачивает актуальности для последующих поколений, то проблема рецепции культурного опыта требует наличия специальных механизмов дешифровки и интерпретации тех феноменов и реалий, которые, казалось бы, окончательно забыты. Но всё это уже удел профессионалов.

Поистине мировой размах, который судьбой был дарован латинскому языку, всё время заставлял интеллектуалов анализировать *за* и *против* этого языка в контексте претензий на абсолютную универсальность. Доводы сторонников опирались на основания, в главных чертах описанные выше.

Доводы противников тоже хорошо известны: обилие склонений и спряжений, частотная нерегулярность парадигм, синтаксическая сложность, нередкая неоднозначность высказываний в контекстах. На этом фоне попытки *конструирования искусственного языка*, обладающего идеальным набором признаков (со времён античности подобных проектов было более двух тысяч), не могли обойти вниманием латынь как базу для искомой конструкции. Действительно, если говорить о XIX веке и первой половине XX, в области языкового планирования латынь постоянно оказывалась отправной точкой. В частности, в период между 1880 и 1914 годами создано 116 плановых языков; большая часть их опиралась исключительно на латинский язык, меньшая часть кроме латинского использовала и другие языки (романские, германские, славянские). Хотя интенсивность создания новых плановых языков после I Мировой войны снизилась, эта деятельность по тем же базовым схемам не прекратилась: *Latino Viventi* (Турин, 1925), *Neo-Latinus* (Буэнос-Айрес, 1939), *Универсальная латынь* (Вена, 1947), *Европейская латынь* (Амстердам, 1948) – только некоторые из них. Ещё Я. Гримм отметил три достоинства латинского языка, ставящие его на особое место и делающие его привлекательным: во-первых, тот факт, что это мёртвый язык; во-вторых, его близость ко всем группам индо-европейской семьи; в-третьих, знание латыни многими, по крайней мере, образованными людьми среди самых разных народов. Некоторые из искусственных языков получили довольно широкое хождение (вспомним хотя бы *эсперанто* Л. Заменгофа), но в целом поиски идеального философского языка ещё продолжаются, теперь уже с опорой на теоретическое ответвление языкознания – интерлингвистику. А для снятия проклятия Вавилонского столпотворения, должно быть, не пришло ещё время.

Та многофункциональность, которая характеризует бытование латинского языка в европейском пространстве, вызвана к жизни условиями и причинами, не лежащими в самом языке. Язык «откликается» на соответствующий запрос и успешно справляется со стоящими перед ним задачами. Российская действительность XIX века подобных задач не ставила, а потому можно удивляться тому, какое прочное место латынь смогла занять в системе российского образования. *Latinitas* для России – заимствованный феномен. В социальном измерении в условиях российской жизни латынь не могла претендовать на те ниши, которые обозначены для европейской культуры. В российской истории отмечено уникальное культурное двуязычие, в котором во многом сходные функции (имеем в виду латынь в Европе) брал на себя французский язык. Латынь же призвана была сближать Восток и Запад, способствовать постепенному формированию общего культурного пространства. Что касается роли российской классической гимназии, то надо признать её значительный успех в решении названной задачи.

Список литературы

1. Enno Littmann (Herausg.). *Die Erzaehlungen aus den Tausendundein Naechten* [Текст] /Wiesbaden, Insel, 1953. – 365 p.
2. Waquet, F. *Latin or the Empire of a Sign. From the sixteenth to the twentieth centuries* [Текст] / Francoise Waquet: Translated by John Howe. – London ; New York : Verso, 2001. – 346 p.

3. James van Horn Melton. Absolutism and the Eighteenth Century of Compulsory Schooling in Prussia and Austria [Текст] / Cambridge University Press, 1988. – P. 114–189.
4. John Henry Newman. Autobiographical Writings [Текст] / edited by Henry Tristram. – London ; New York, Sheed and Ward, 1956. – P. 151.
5. Mary E. Fissell. Patients, Power and the Poor in Eighteenth-Century Bristol [Текст] / Cambridge University Press, 1991. – P. 156–159.
6. Marie-Madeleine Martin. Le latin immortel [Текст] / Chire-en-Montreuil, Diffusion de la Pensee Francaise, 1971. – P. 248.
7. Pierre Bourdieu, Jean Claude Passeron. Les heritiers : les etudiants et la culture [Текст]. – Paris, Editions de Minuit, 1985. – P. 26–27.
8. Pierre Larousse. Flore latine des dames et des gens du monde, ou clef des citations latines que l'on rencontre frequemment dans les ouvrages des ecrivains frances [Текст]. – Paris, Larousse et Boyer, 1861. – P. 29-30.

LINGVA NEMINI ALIENA: LATIN IN THE NINETEENTH-CENTURY EUROPE

Y. N. Varzonin

Tver State University
The department of Russian language

«A language without a country and yet nowhere foreign», Latin in the Nineteenth-Century Europe is the subject of this study. The article examines specific functions of Latin which it had in European culture.

Keywords: *Latin, language functions, European education, language and society, F. Waquet.*

Об авторах:

ВАРЗОНИН Юрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).